
ДИСКУССИЯ

СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД: ОБОСНОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА¹

© 2011 г. Е. А. Сергиенко

*Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии развития,
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН,
Москва e-mail: elenas13@mail.ru*

Представлены контуры системно-субъектного подхода в психологии как варианта субъектного подхода. Показаны концептуальные основания возможностей объединения системного (Б.Ф. Ломов) и субъектно-деятельностного (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский) подходов и потенциал системно-субъектного подхода. С позиций системно-субъектного подхода обсуждаются проблемы критериев субъекта, соотношения субъекта–личности. Выделены ранние уровни развития субъектности на основании континуально-генетического принципа. Предложены метауровни становления и существования субъекта. Описаны функции субъекта: когнитивная (понимание), коммуникативная (субъект–субъектные и субъект–объектные взаимодействия), регулятивная (контроль поведения). Показано, что системно-субъектный подход отвечает принципам постнеклассического развития психологии.

Ключевые слова: системно-субъектный подход, системный подход, субъектно-деятельностный подход, постнеклассическая психология, уровни субъектности, соотношение субъект–личность, функции субъекта, метауровни субъектности.

На современном этапе развития психологии отмечается интенсивный поиск методологических оснований. После периода методологического равнодушия и освоения ранее недоступных теоретических достижений современной психологии наступил этап самоопределения отечественной психологии. Этот этап предполагает переосмысление методологических принципов на пути определения ориентиров и перспектив психологической науки. Предлагая для обсуждения контуры системно-субъектного подхода, автор не претендует ни на широту обобщений, ни на методологические решения проблем современной психологической науки. Рассмотрению данных проблем посвящено немало трудов видных отечественных психологов (В.М. Аллахвердов, А.Г. Асмолов, К.А. Абульханова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюк, М.С. Гусельцева, Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов, В.А. Мазиллов, А.В. Юревич и многие другие). Потребность в новой парадигме, а вернее, в объединении двух парадигм – субъектно-деятельностного и системного подхода – возникла под давлением необходимости обобщения и ин-

терпретации различных вариантов понимания субъектности, важности сопоставления категорий субъект и личность, анализа их тесной связи на различных этапах развития и обусловлена стремлением перехода к все более целостному изучению психологии человека. Системно-субъектный подход является одним из вариантов субъектного подхода в психологии, который отвечает современным принципам методологии. М.С. Гусельцева отмечает: “Постнеклассическая рациональность, постмодернистская критика, сетевой принцип организации знания – характеристики современного состояния науки” [13, с. 49].

СОВРЕМЕННЫЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИИ

Анализируя современный постнеклассический этап развития психологической науки, М.С. Гусельцева [13] выделяет принципиальные *характеристики рациональности*, в отличие от неклассического этапа, которые свидетельствуют о перспективности субъектного подхода в психологии. Так, постнеклассическая рациональность предполагает открытость новому опыту, междисциплинарный дискурс, парадигмальную

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-06-00053а).

толерантность. Это приводит к ценности субъективного опыта, особой креативности в конструировании мира субъектом. В постнеклассической психологии особое место уделяется расшифровке внутренней логики развития, уникальности человеческой судьбы, сензитивных периодов, взрывов, экзистенциальных поисков, в отличие от неклассической рациональности, в которой основное внимание было направлено на выделение универсальных законов организации психического. Если традиционная психология обсуждала вопросы биологического и средового детерминизма, а на неклассическом этапе главное место занимал социодетерминизм, то для постнеклассического развития науки на первый план выходят свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта.

Объектом исследования в постнеклассической науке выступают саморазвивающиеся системы, в отличие от жесткого объективизма неклассического этапа. Большое внимание уделяется анализу текста, семиотическому дискурсу, субъекту понимания и диалогического взаимодействия. Таким образом, приведенные характерные черты постнеклассической науки убедительно показывают современный уровень и своевременность разработки субъектного подхода в психологии, который означает парадигмальную толерантность, междисциплинарный дискурс, герменевтический стиль мышления, сетевой принцип организации знания, “легализацию внутрисубъектного опыта”, в качестве исходного основания построения психологического знания [31].

Обсуждая сетевой принцип в организации психологического знания, М.С. Гусельцева (вслед за А.В. Цирульниковым) полагает, что системная парадигма уходит в прошлое, и будущее науки связано с сетевым подходом [13]. Системный подход, по ее мнению, долгое время интегрировал психологические знания и был эффективен тогда, когда они могли быть представлены в виде иерархических уровней образований. Однако при интерпретации “равновеликих феноменов, требовалось иное представление о типе связи” [там же, с. 65]. Это обусловило смену системной детерминации на сетевую. Более того, Гусельцева приводит суждение А.В. Цирульникова о преимуществах сетевой парадигмы над системной: “...в отличие от однородной, правильно организованной системы для сетевого образования характерны, напротив, неоднородность, неправильность, асимметрия, сложность, динамичная картина сгущений и разряжений, что свойственно живым явлениям и процессам” [там же, с. 64]. Здесь хотелось бы воз-

разить авторам данных представлений. Во-первых, провозглашение сетевого принципа означает в первую очередь интеркоммуникацию понятий разных подходов. Связь между сетевым и системным принципами очевидна, поскольку система и есть сеть, объединяющая разнородные (а не однородные!) элементы, обладающие постоянной динамикой, изменяющие свои относительные “веса” в зависимости от цели взаимодействия со столь же динамичной средой, ситуативно и событийно представленной. Поэтому в зарубежной психологии значительное распространение получил системно-динамический подход (*Dynamic Systems approach*) [32, 33]. Во-вторых, принцип иерархии довольно давно дополнен принципом гетерархии (возможности сосуществования одновременно разных уровней организации систем). Это означает отказ от принципа иерархической вертикали и признание возможности сосуществования феноменов разной уровневой организации. Примеры гетерархии могут быть обнаружены фактически во всех областях ментальной организации человека. Изучение процесса развития, его прогресса и регресса указывает на определенную иерархию в последовательности возникновения и распада психических феноменов. Например, взрослый человек владеет в той или иной мере системой счисления. Несмотря на то что эта система включает как простейшие элементы (понятие соответствия отдельных объектов числу, сравнение множеств объектов), так и сложные (понятия множества, положительных и отрицательных значений чисел, операций с числами и т.д.), на ранних этапах своего развития человек владеет только ядром данной системы. Младенцы способны устанавливать соответствие между числами в пределах трех (три звука и три объекта или два объекта и два звука) и способностью оценивать множества объектов на основе их пространственной плотности: сначала кратной двум в 6 месяцев (например, различать 8 и 16 точек), а затем к концу первого года кратной 1.5 (различать 8 и 12 точек) [27]. Взрослые люди также пользуются сравнительной оценкой множества объектов на основе пространственной плотности, но наряду с возможностью точного пересчета и даже опосредованного расчета числа сравниваемых объектов. Все это составляет единую систему счисления с неоднородными элементами, разными по возрасту их включения и “весу”, гетерохронно организованную и динамично используемую в зависимости от задачи: оценить плотность застройки или точно указать число домов на оцениваемой территории.

Другим отличием сетевого подхода от системного М.С. Гусельцева [13] считает быстроту реа-

гирования, динамичность и ситуативность сетевой парадигмы. Это означает, что с точки зрения сетевого принципа разные теории психологии описывают только фрагменты реальности с определенной перспективы. Осознание фрагментарности ведет к пониманию ограничений данной теории, что может быть преодолено проникновением или влиянием положений разных теорий. В таком случае получается, что чем больше разных точек зрения, тем полнее картина мира (представление о психологии человека) — на этом настаивают представители “методологического либерализма” [там же]. Данное утверждение, которое в психологической науке и практике уже реализуется (намеренно или нет), стало одним из оснований попытки объединения системного и субъектно-деятельностного подходов в системно-субъектный подход.

Таким образом, системный подход, на наш взгляд, составляет основу сетевой парадигмы и использует те принципы, которые атрибутированы сети. Объединение системного и субъектно-деятельностного подходов способствует расширению мерности (многомерности) изучения психологии целостного человека.

КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СУБЪЕКТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

Ценность категории субъекта в последние десятилетия существенно возросла, особенно для отечественной психологической науки. Об этом свидетельствует рост числа научных работ, авторы которых обращаются к категории субъекта, а также всероссийские конференции по данной проблеме, проводимые в разных регионах нашей страны.

Усиление значения категории субъекта в психологии имеет основания не только в логике развития самой науки, но и в тех макросоциальных изменениях, которые наука отражает. Так, в центре понятийной системы отечественной психологии на протяжении нескольких десятилетий находились категории сознания и деятельности [5, 6]. Социально-экономическая организация общества того времени выдвигала на первый план человека труда, реализующего деятельность. Более того, человек труда был неотъемлемой частью коллектива, созидającego через деятельность общие ценности. Человек же как уникальная индивидуальность с его бытийными и многими другими проблемами меньше интересовал и общество,

и науку. Радикальные изменения социального устройства российского общества сделали востребованными индивидуальную инициативу и стремления человека, его самостоятельность и ответственность, самоопределение и самореализацию. Эти общественные изменения нашли отражение и в смещении научных приоритетов, в частности — в обращении к категории субъекта. Субъект — это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. На этом уровне человек предельно индивидуализирован, т.е. проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации в целом. Субъект — качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам жизнедеятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств [9–12].

В историческом ракурсе субъектный подход в психологии обосновал С.Л. Рубинштейн. Раскрыв принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественнонаучной, он показал, что специфика гуманитарных наук заключается в их субъектности и ценностной опосредованности знания. Это привело к обоснованию принципа самостоятельности субъекта, предложенного С.Л. Рубинштейном в 1922 г. Преодолев формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, он сформулировал представление о “действующем лице”, творящем деятельность, вложив в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. В его работе “Человек и мир” [24] субъект рассматривается не только как носитель активности, но и как источник причинности бытия. Сознание, обеспечивая познание мира субъектом, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта — созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С.Л. Рубинштейн помимо *гносеологического* обоснования субъекта вводит *онтологическое*.

Он выделил три аспекта в анализе деятельности человека: деятельность — всегда практическая,

реально осуществляемая человеком; условия ее реализации создает сам человек; деятельность имеет свою внутреннюю структуру – цели, мотивы, направленность личности. Первый аспект не обязательно связан с субъектом, поскольку труд и его продукт носят отчужденный от личности характер. Второй и третий аспекты связаны с разными свойствами субъекта, который организует реальную деятельность и одновременно внутреннюю систему активности. Действительность выступает в теории С.Л. Рубинштейна через призму возможностей и отношений к ней субъекта, а не противостоит ему в существовавшей дихотомии субъект–объект. Субъект становится активным создателем собственной жизни, бытия. В качестве субъекта рассматривается *субъект психической деятельности*, конкретный индивид, а не абстрактный конструкт. Таким образом, категорию субъекта С.Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Более того, изменилось представление и о категории деятельности. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности благодаря внутренним психическим основаниям определяет и направляет свою деятельность [22, 23]. Знаменитая формула С.Л. Рубинштейна “внешнее через внутреннее” изменила содержание принципа детерминизма в психологии. Это обстоятельство часто подчеркивал А.В. Брушлинский в своих работах. Как отмечает М.С. Гусельцева [13], книга “Человек и мир” явилась “приметой нового мышления в психологии”. В этой монографии фактически исследовалось введение, “погружение” человека в состав бытия. С.Л. Рубинштейн обогатил психологию методологическими принципами: единства сознания и деятельности (анализировать психику через деятельность), детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец); он показал, что, преобразуя бытие, человек преобразуется и сам.

Итак, переход к онтологическому основанию субъекта, введенному С.Л. Рубинштейном, определил смещение центра научных интересов в психологии, побудил исследовать человека как субъекта деятельности, индивидуального и группового. Начал формироваться *субъектно-деятельностный подход* в психологии.

Ученики С.Л. Рубинштейна – К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский – посвятили свою научную жизнь развитию идей учителя, разработке категории субъекта и субъектного подхода в психологии.

Значение категории субъекта для психологии выражено в нескольких основных аспектах. Во-первых, категория субъекта позволяет обратиться к *целостному* изучению человека. Во-вторых, она способствует объединению разрозненных аспектов в изучении индивидуальности (темперамента, характера, направленности) в единую интегративную *индивидуальность* человека. В-третьих, обращаясь к исследованию субъекта, мы открываем возможность изучать поведение, деятельность, сознание как *опосредованные* внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением модели этого мира. Выделенные значения категории субъекта возникли в развитии психологии неслучайно. Этому способствовало взаимопроникновение разных парадигм в исследовании человека, осознание единого предмета в его изучении, что породило не только рост междисциплинарных исследований, но и становление *единой* психологической науки, что предвидел и на чем настаивал в своих работах Б.Г. Ананьев [3].

Результатом поисков целостного подхода к психологическому исследованию человека стала *психология субъекта*. Именно в субъекте как метасистеме представлена психика в единстве ее организации, именно в субъекте объединены и естественнонаучные, и гуманитарные парадигмы исследования человека, именно в субъекте находится единство универсального и уникального, именно в субъекте раскрывается индивидуальность человека. Именно в субъекте могут быть объединены такие различные характеристики индивидуальности, как темперамент и характер, мотивация и направленность и т.д.

Таким образом, субъектный подход в психологии существует в разных вариантах. Субъектно-деятельностный подход, который возник на основе работ С.Л. Рубинштейна и был развит А.В. Брушлинским в психологию субъекта [12].

В российской психологической науке категория субъекта играет *системообразующую роль* и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на семинарах и конференциях, в статьях и монографиях, диссертациях и учебных пособиях. Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что за последние примерно 15–20 лет, главным образом благодаря целенаправленным и подвижническим усилиям А.В. Брушлинского и его последователей в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований –

психология субъекта. В ней фактически представлена история главных проблем психологической науки XX столетия: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики и др. Следовательно, категория субъекта обрела статус системообразующей категории, выполняющей методологические функции. В одной из своих последних работ К.А. Абульханова подчеркивает, что именно субъект должен стать *предметом* психологической науки [1].

О РОЛИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА

Положение субъектно-деятельностного подхода, утверждающее, что основой саморазвития субъекта является изначально практическая, а затем теоретическая, но в принципе единая деятельность (игровая, учебная, трудовая и т.п.), осуществляемая на различных уровнях общения [9, 10], нуждается в уточнении и развитии. С одной стороны, роль активности и деятельности в развитии субъекта представляется ведущей. С другой – возникает вопрос: что направляет активность и деятельность субъекта? Трудно допустить практическую деятельность, не имеющую осознанной либо неосознанной цели. Здесь, как мне кажется, необходимо уточнить и выделить критерии понимания практической деятельности и активности. Можно предположить, что активность, в отличие от практической деятельности, направляется эндогенными потребностями, которые должны реализоваться во внешней среде. Практическая же деятельность направляется экзогенными целями, выбранными субъектом, и обеспечивается определенным, соответствующим этому выбору арсеналом действий и средств для реализации данной цели. Тогда снимается противоречие между понятиями “активность” и “практическая деятельность”. Практические действия субъекта – это есть конечный этап, завершающий когнитивную оценку, планирование, программирование взаимодействий с внешним миром. Таким образом, активность можно рассматривать как более генерализованную тенденцию, направляющую общее взаимодействие субъекта с миром, тогда как практическая деятельность выступает в качестве результата детального анализа цели и средств при взаимодействии. И активность, и практическая деятельность субъекта всегда целенаправленны и ведут к развитию взаимодействия с миром, что, в свою очередь, развивает, изменяет и перестраивает ментальный опыт субъекта, способы реали-

зации целей и задач. Развитие активности предшествует развитию практической деятельности и подготавливает ее.

Данные соображения привели к смещению акцента с деятельностного аспекта в психологии субъекта к внутренним субъектным основаниям реализации субъекта как деятеля бытия.

ОБЩНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ СИСТЕМНО-ЭВОЛЮЦИОННОГО И СУБЪЕКТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ

Для обоснования объединения субъектно-деятельностного и системно-эволюционного подходов в единый системно-субъектный подход необходимо рассмотреть те положения обоих подходов, которые позволяют говорить о тесной их связи и возможном объединении в единую парадигму.

Анализируя современные проблемы психологии, Б.Ф. Ломов писал: “Представляется, что наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т.е. предметом психологического исследования становится системогенез психики” [22, с. 76]. Данное положение Б.Ф. Ломова послужило наряду с теорией функциональных систем П.К. Анохина [4] основой для разработки и развития системно-эволюционного подхода, который объединяет принципы системности и развития.

Общность принципов системности и развития, интегрированных в системно-эволюционном подходе, имеет тесные пересечения с положениями субъектно-деятельностного подхода.

1. В фундаментальном положении о психическом как процессе С.Л. Рубинштейна [22] динамика психики представлена в качестве ее главного имманентного свойства. В то же время само понятие системы по определению включает в себя показатели развития: любой системный объект должен обладать способностью к развитию, а процесс развития предполагает наличие сложной системной организации.

Современные представления о психике как развивающейся, эволюционирующей системе опираются в значительной степени на развитие системного подхода в биологии и нейрофизиологии, а именно на принцип системогенеза, сформулированный и обоснованный в школе П.К. Анохина.

2. Любая система образована разнородными элементами, обладающими разными свойствами [8], но связанными в единое целое. С данным определением системы соотносятся базовые характеристики любого процесса развития, в том числе психического. Это положение приводит к представлениям о гетерохронном развитии психики и ее функционировании при сохранении ее целостности на всех этапах [4]. Ф.А. Ата-Мурадова указывает, что "...разновременность, гетерохронность наблюдается, начиная с биохимического уровня, в общесоматическом, половом, функциональном, нервно-психическом развитии. В наибольшей степени разновременность выражена в психическом развитии человека. Не только отдельные функции, но даже их различные свойства и характеристики могут находиться в разных фазах своего развития за счет неодинаковой скорости, темпов развития. Именно многообразие темпов создает чрезвычайно сложную, разнородную во временном отношении картину развития" [7, с. 39].

Чем же обеспечивается преемственность, непрерывность развития? Она обеспечивается разновременностью, гетерохронностью генеза. Различная длительность, скорость, темп развития разных систем создают необходимое адаптивное их объединение на разных уровнях становления, где высокоразвитые системы в сочетании с развивающимися порождают взаимодействие стабильных и динамических звеньев развития. Принципы системогенеза: гетерохронии, консолидации, минимального обеспечения функции – дают ключ к пониманию высокой пластичности, преемственности в развитии человека, широких возможностей в компенсации дефектов развития.

3. Связи между элементами системы *динамичны*, т.е. изменяются во времени. Интегральные характеристики системы в большей мере зависят от особенностей взаимодействия ее элементов, чем от их отдельных свойств. В таком случае взаимодействие между функциями в процессе развития, а не их отдельные изменения должны иметь приоритетное значение, что может быть сравнимо с идеями сетевой организации.

4. Системы различаются по своей сложности и по степени структурированности. Это проявляется в уровне организации систем разного порядка, объединенных *иерархическими связями* [21]. Принцип уровневой организации не исключает, а предполагает целостную психическую организацию всех уровней.

С.Л. Рубинштейн писал: "...психическое развитие человека с раннего возраста до зрелых лет

протекает как единый процесс, внутри которого выделяются качественно различные ступени..." [22, с. 188].

5. Соотношение биологического и социального на разных этапах онтогенеза как проблема детерминации рассматривалась и в системном и субъектно-деятельностном подходе. Проблема биосоциальной детерминации в системном подходе решается Б.Ф. Ломовым на основе эволюции человека как общественного существа, единстве природы и общества, не сводимой ни к одному из двух источников человеческого развития.

В рамках субъектно-деятельностного подхода А.В. Брушлинский так раскрывал данную проблему: «...субъект, осуществляющий психическое как процесс – это всегда и во всем неразрывное живое единство природного и социального... в психике человека нет ничего, что было бы только природным, но не социальным или только социальным, но не природным; вопреки широко распространенной точке зрения даже на высших этапах духовного развития личности психическое не перестает быть природным и не становится "чисто" социальным. Оно сохраняет в себе их органическое единство, поскольку эти высшие уровни природного возникают и эволюционируют лишь в ходе антропогенеза...» [9, с. 34]. Полемизуя с положениями культурно-исторической теории развития психики, он обращает внимание на то, что в данном подходе рассматривается лишь одно направление развития – от социума к индивиду и не учитывается обратное – от индивида к социуму. Это положение означает, что ребенок является субъектом развития, а не только объектом воздействия взрослых.

В основе современного понимания развития как самодвижения лежит принцип, требующий и генетического (биологического), и средового (социального) рассмотрения как звеньев системной детерминации единого процесса развития человека.

6. Ключевая характеристика динамической системы – самоорганизация – означает достижение новых состояний через собственное функционирование. При непрерывном изменении в одном или более параметрах новое состояние может появиться спонтанно как функция нелинейных взаимодействий между компонентами системы. Основой теории динамических систем является то, что поведение, его развитие, является результатом функционирования сложных систем, которые включают психологические, биологические и физические компоненты. Развитие рассматривается как появление свойств целостной

системы и может быть понято только в терминах сложного взаимодействия ее компонентов. Не может быть редукции к одному элементу, структуре или причине. В теории динамических систем (современном варианте системного подхода) [32, 33] важное место занимает идея о нелинейной динамике изменений, сензитивность к начальным условиям и неожиданные трансформации по типу катастроф, объясняющие U-образный характер развития функций, имеющих место после постепенных изменений в определенном количестве параметров. При сравнении теории динамических систем с системно-эволюционным подходом, где также принцип развития (эволюции систем) является ведущим, можно отметить, что их объединяет несомненно сильное концептуальное пересечение (системность, непрерывность, саморазвитие, единство восприятия и действия), а в некоторых аспектах системно-эволюционный подход становится более разработанным (в области системогенеза и гипотезы селективного системогенеза). Преимуществами же описанных подходов остаются выраженная междисциплинарность исследований, широкое экспериментальное обоснование (на нейрональном и поведенческом уровнях, на животных и людях). В последнее время системно-эволюционный подход развивается в активных исследовательских программах.

Близкие идеи о саморазвитии (принцип самодетальности С.Л. Рубинштейна) получили свою разработку в субъектно-деятельностном подходе.

Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств [9–12].

Таким образом, приведенное сравнение показывает, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения и в системно-эволюционном (и теории динамических систем), и в субъектно-деятельностном подходе. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем – единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития,

идеи неразрывности биосоциальной природы человека: “внешнее через внутреннее”, саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодетальности), целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы. Это означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному “деятелю” собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе проблемными остаются анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представления о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

Системно-субъектный подход является вариантом субъектного подхода в психологии. Во всем многообразии понимания субъекта в отечественной психологии можно выделить два принципиально различных подхода, что связано с разными представлениями о критериях субъектности. Первый подход – акмеологический, в котором постулируется, что субъект – вершина развития личности. Следует признать, что большинство отечественных психологов придерживаются данного подхода (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, Г.В. Залевский, В.А. Петровский, З.И. Рябикина и др.). Второй подход – эволюционный, при котором полагается постепенное развитие человека как субъекта (Л.И. Божович, А.Л. Журавлев, В.Н. Слободчиков, А.Ш. Тхостов, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.).

Два выделенных подхода восходят к разным философским традициям: антропоцентрической (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр

и др.) и эволюционно-генетической (И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель и др.).

Рассогласование в понимании субъекта, возникшее между двумя подходами, может разрешиться последовательным применением *континуально-генетического* принципа к анализу развития субъектности на основе *системно-субъектного подхода*. А.В. Брушлинский считал идею объединения двух подходов весьма плодотворной и достойной дальнейшей разработки.

Континуально-генетический метод был разработан А.В. Брушлинским при изучении психологии мышления. Анализ непрерывности процесса мышления, взаимообусловленность всех его этапов, закономерная преемственность предыдущих и последующих стадий развития позволяют не только раскрыть сущностные характеристики мышления как процесса, но и распространить данный принцип анализа на проблемы становления субъектности человека, понимания природы развития субъекта, условий и причин его изменений.

Последовательное применение континуально-генетического принципа привело к постановке и разработке важнейшего вопроса о критериях становления субъекта. Именно применение континуально-генетического принципа в системно-субъектном подходе позволило связать разные представления о рождении субъекта в непрерывный континуум его становления: от протоуровней в начале жизни до вершинных акмеологических достижений зрелого человека. Ограничениями акмеологического подхода в психологии субъекта стало выделение только акмеологического критерия субъекта [1, 2]. Это нарушает континуально-генетический принцип, что приводит к парадоксальному решению. Если субъектом человек становится только на высших этапах собственной жизни, решая внешние и внутренние противоречия, то возникают два вопроса. Первый: как он приходит к этим высшим уровням своего развития и кем он был до этого? И второй: почему даже на высших уровнях своего бытия человек не всегда справляется с возникшими противоречиями, следовательно, перестает быть субъектом? Более того, акмеологический критерий субъектности как вершинное достижение личности означает, что предметом психологии должен стать достаточно небольшой период в жизни человека, ограниченный круг его феноменов. При этом мы можем потерять истоки причин, условий, детерминант, возможности или невозможности достижения человеком этих вершинных уровней. Тогда

многие аспекты психологии человека останутся вне предмета психологии.

Кроме того, акмеологический критерий субъекта фактически ставит вопрос о самодостаточности категории субъекта для психологии, поскольку он обозначает только высшие достижения личности. Так, В.П. Зинченко считает, что в тройке психологических понятий “человек–личность–субъект” именно субъект является третьим лишним.

В одной из своих последних работ К.А. Абульханова [2] предлагает совокупность общих критериев субъекта, отдельные из которых могут отсутствовать в реальности (или не быть выраженными). Ограничимся их перечислением. Это способность к совершенству, способность решать противоречия, используя психические, личностные, профессиональные и жизненные возможности, оптимизация полисистемной организации, активность, ответственность, способность к интеграции способов жизни, реализация принципиальности, способность в рефлексивности, самореализации. Анализ выделенных критериев субъекта еще полнее очерчивает именно акмеологический подход к категории субъекта, раскрывая развитие личности как субъекта на вершинных уровнях своего развития. Данные критерии, на наш взгляд, размыывают различия категорий субъекта и личности, а не специфицируют их.

С позиций системно-субъектного подхода центром концептуальной схемы психологии является субъект, носитель психического, автор собственной деятельности, общения, отношения, переживания. Именно субъект на каждом этапе своего развития выступает носителем системности, раскрывающейся в его взаимодействии с миром. *Субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации* [24–29].

Критерий субъекта может быть только уровнем. Критерии субъекта, выделенные другими авторами (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, А.В. Петровский и др.), не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта. Применение континуально-генетического принципа позволяет выделить несколько уровней непрерывного становления субъектности – от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни [25–31].

ВЫДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ СУБЪЕКТА НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

При выделении категории субъекта как центральной в системно-субъектном подходе [24, 25] необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Они должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Б.Ф. Ломов выделял три основные функции психических процессов: когнитивную, регулятивную и коммуникативную [21]. Подобные функции можно выделить и относительно субъекта. Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности является понимание, коммуникативной – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной – контроль поведения и самопроизвольность. Специфической для категории субъекта когнитивной функцией может стать понимание. Понимание является одновременно и когнитивным, и экзистенциальным феноменом [18–20]. Понимание человеком окружающего мира включает внутренние модели (модель и физического, и социального мира), и смысловые образования, опосредующие его выбор и интерпретацию окружающих событий и явлений [27, 30]. *Регулятивной функцией* субъекта может выступать контроль поведения, который является основой саморегуляции. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) [29]. В отличие от саморегуляции, контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью.

Коммуникативная функция субъекта может быть специфицирована через представление о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях (например, в ситуациях манипулятивных влияний субъекта на других людей, оказывающихся объектами манипуляции [17], и наоборот, когда группа может манипулировать человеком). Однако реально взаимодействия людей могут быть только тогда эффективны, когда учитываются субъектность объекта воздействия, уровень и особенности его внутренних моделей, степень понимания, индивидуальная специфика его контроля и т.д. Следовательно, выделяя функции субъектности, мы сталкиваемся с их взаимным переплетением и лишь условным выделением, что необходимо при анализе явления.

Важнейшим и дискуссионным вопросом системно-субъектного подхода в психологии остается *соотношение категорий личности и субъекта*.

Как отмечает Л.И. Анцыферова, в работах С.Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о “личности”, “субъекте” и “человеке” как синонимах...» [6, с. 219]. Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как о стержневом качестве личности, употребляя такие понятия, как “субъект практики”, “субъект истории”.

Б.Г. Ананьев таким образом решал вопрос о соотношении личности и субъекта: “Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидуальные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого – структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта” [3, с. 220]. Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б.Г. Ананьев указывает, что “структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С.Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы” [там же, с. 218].

Здесь мы видим различия в понимании субъекта Б.Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если для Ананьева личность является ядерной структурой организации, то для субъектно-деятельностного подхода – субъект, который всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б.Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества, достигший высшего уровня профессиональной деятельности, тогда как в представлении последователей С.Л. Рубинштейна субъект – это качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. “Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания” [9, с. 345].

Предполагаю следующее гипотетическое решение. Личность (персона) – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление са-

моорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект–личность.

Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делает то, что соответствует его жизненным смыслам и собственной субъектности, т.е. согласно своей интегративной уникальности (где все образует единую систему: история развития субъекта, гетерархия уровней организации). Показателем синхронности и соответствия в континууме личность–субъект может выступать спонтанность поведения человека. Можно привести аналогию со знанием языка: как только мы выражаем спонтанно то, что хотим сказать, так сразу можно говорить о владении языком как средством общения или средством обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами).

В этом случае психологическая зрелость – это прежде всего континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта.

Данное гипотетическое соотношение категорий личности и субъекта в большей степени согласуется с идеями Б.Г. Ананьева о личностном ядре целостной организации человека. Он рассматривал субъекта как деятельностьную составляющую, связанную со всеми подструктурами и уровнями человеческой организации.

Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий “субъект” и “личность” вбирает в себя положения Л.И. Анцыферовой и Б.Г. Ананьева. В работах Б.Г. Ананьева личность рассматривается как ядерное образование в структуре целостного человека. Более того, мы находим указание на существование своеобразия и дифференциации этих понятий как в психологии субъекта А.В. Брушлинского (“субъект всегда является личностью, но не сводим к ней”), так и в работах Б.Г. Ананьева. “Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, т.к. субъект характеризу-

ется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности”, – писал он [3, с. 253].

Таким образом, гипотетическое решение встречается в работах других авторов. Очевидно, что и теоретическая, и эмпирическая разработка данной гипотезы должна быть более детальной и доказательно продолжена.

На основе анализа с позиций системно-субъектного подхода разные точки зрения на субъект и возможности его проявлений объединяются в более широкие ракурсы субъектности, которые могут быть описаны как субъект развития – субъект деятельности – субъект жизни [30].

Человек одновременно является и субъектом развития, и субъектом деятельности, и субъектом жизни. Но разные ракурсы субъектности имеют разные уровневые описания, разные системные конфигурации проявления субъектности. Так, субъектом собственного развития человек, по-видимому, является всю жизнь, но степень задач развития на разных этапах человеческой жизни различна. Следовательно, требования к актуализации субъектности–личности как непрерывного континуума взаимодействия направляющих и реализующих тенденций человека, будет связана с их уровнями организации и степенью согласованности, обстоятельствами жизни. Субъектом деятельности человек также остается всю жизнь, но уровни реализации деятельности в разные периоды онтогенеза существенно отличаются. Если для маленького ребенка это собственные способы активности и простейшие способы индивидуальной деятельности, которые опираются на соответствующие уровни его психической организации, то для молодого человека – это задачи реализации себя как субъекта деятельности, профессиональной и бытийной. Субъектом жизни человек выступает всю свою жизнь. Но задачи жизни, бытия, их смысл, значение выступают с разной степенью осознания и значимости на разных этапах человеческой жизни. Все ипостаси субъектности существуют в разных формах и соотношениях в генезе человека, но их “вес” и соотношение существенно изменяются на протяжении его жизни. На разных уровнях метасубъектности разные проявления субъектности человека тесно переплетены и взаимозависимы, но их относительное значение и “удельный вес” в общей составляющей меняется на разных этапах жизни. Эта предварительная схема предполагает разработку проблемы становления субъектности на основе системно-субъектного подхода. Задача, которая стоит в связи с данным общим эскизом структурного представления о субъектной организации, – раскрыть теоретиче-

ски и эмпирически, каким образом организованы предложенные метауровни субъектности, их системно-уровневый состав, детерминация и условия реализации.

Приведенные концептуальные решения психологии субъекта в рамках системно-субъектного подхода отвечают, на наш взгляд, современным методологическим тенденциям постнеклассической психологии: парадигмальной толерантности, междисциплинарному дискурсу, герменевтическому стилю мышления, сетевому принципу организации знания, “легализации внутрисубъектного опыта”, ценностям субъективного мира. Центральная, системообразующая роль субъекта в конструировании собственного развития, деятельности, жизни, собственного бытия означает самоопределение и выбор (самодетерминацию) человека как субъекта, что предполагает свободу воли, свободу самореализации, характерные для постнеклассического этапа развития науки.

Несмотря на возрастающий интерес и количество исследователей, направляющих свои научные поиски на психологию субъекта, остается много дискуссионных вопросов в данной области, которые полностью относятся и к обсуждаемому системно-субъектному подходу. Но именно дискуссионность и открытость психологии субъекта, полифония научных представлений и конкретных решений, многообразие в реализации субъектного подхода и обуславливают перспективы его разработки.

Говоря о *перспективах* субъектного подхода в психологии, можно выделить несколько основных направлений. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к *субъектной психологии*, что потребует значительных усилий и времени, поскольку эта задача чрезвычайной сложности, и это подчеркивал А.В. Брушлинский. Выделенная триада метауровней организации и реализации субъекта – субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности [29] – требует теоретической и экспериментальной разработки, конкретизации соотношения данных метауровней, описания их критериев и особенностей.

В условиях преимущественного анализа трех модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема *субъекта познания*. Проблема субъекта познания имеет длительную историю изучения в рамках философии. Однако она может быть рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь

идет об изменении акцентов в анализе особенностей познания. Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становятся *понимание и интерпретация* окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей.

Психология человеческого бытия [18–20] (научное направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта) выводит рассматриваемую проблему субъекта на междисциплинарный уровень, предполагающий взаимосвязи с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией личности и индивидуальности. Психология человеческого бытия предполагает обращение к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность и др. Этот анализ *вершинных, духовных ценностей человека* с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия.

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории *группового субъекта* [14, 15]. Возникновение группового субъекта обусловлено не только совместной трудовой деятельностью, но и наличием общих целей и задач, мотивов и интересов. При этом общественные интересы существуют в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. В этом свете очевидно, что тоталитаризм и субъект – понятия несовместимые. Психология насилия при тоталитарной организации жизнедеятельности людей делает их объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности, другим проявлениям и развитию субъектности. Исследования группового субъекта приобретают особую значимость в связи с социальными, экономическими, религиозными, этническими и другими конфликтами, которые сопровождаются насилием и подавлением субъектности человека. Другой ракурс разработки группового субъекта относится к изучению

соотношения индивидуального и коллективного субъектов в различных социальных группах, включая семью.

Важнейшей перспективной задачей для субъектного подхода является разработка представлений о *развитии субъектности человека*. Имеющиеся в настоящее время описания стадий или уровней развития субъекта либо фрагментарны, либо описывают в большей степени развитие личности как субъекта. Генетический принцип анализа субъекта позволит раскрыть условия и факторы становления разных уровней организации субъектности, соотношение различных внешних и внутренних условий реализации субъектности того или иного уровня. Перспективы в разработке уровней развития субъекта видятся в изучении и исследовании становления его функций на разных этапах онтогенеза человека, охватывающего разные периоды – от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, межпарадигмальных, сетевых подходов в разработке представлений о функциях субъекта.

Жаркие споры о необходимости категории субъекта в психологии (“третий лишний” – термин В.П. Зинченко) аналогичны дискуссии, которая разворачивалась вокруг категории личности в 60–70-е годы XX века. Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится *разграничение категорий личности и субъекта*, выделение их специфичности, соотношения и места в психологической науке.

Различные варианты реализации субъектного подхода в психологии, включая обсуждаемый системно-субъектный, дают разное понимание категории субъекта, многообразие методических решений изучения субъектности и т.д. Все эти разработки составляют научную сеть поисков и знаний, стремлений к взаимопониманию и диалогу, намерений продвигаться на пути к построению целостной психологии субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Высшая школа экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
2. Абульханова К.А. Идеальность и реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. М. – Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 31–45.
3. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред.
- А.А. Бодалева. М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996.
4. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
5. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
6. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. 2-е изд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
7. Ата-Муратова Ф.А. Мозг и биологические предпосылки высших форм отражения // Системогенез и проблемы генетики мозга. М.: Наука, 1983. С. 24–55.
8. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
9. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1994.
10. Брушлинский А.В. Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. Гл. 4. “Психическая регуляция поведения”. М.: Инфра-М, 1999. С. 330–346.
11. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 2002. С. 9–33.
12. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
13. Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Изд-во “Прометей”, 2007.
14. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 133–151.
15. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 51–81.
16. Зинченко В.П. Нужно ли преодоление постулата непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 3–20.
17. Знаков В.В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 144–160.
18. Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 9–45.
19. Знаков В.В. Понимание и человеческое бытие // Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, че-

- ловеческом бытии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2007. Раздел четвертый. С. 351–476.
20. Знаков В.В. Ценность как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 83–93.
 21. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
 22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. М.: Педагогика, 1989.
 23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
 24. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 184–203.
 25. Сергиенко Е.А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002. С. 270–310.
 26. Сергиенко Е.А. Психология субъекта: проблемы и поиски // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологическая основа анализа. Материалы III Всесоюзной научно-практической конференции. Краснодар, 11–12 ноября 2005 г. Краснодар, 2005. С. 206–225.
 27. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
 28. Сергиенко Е.А. От когнитивной психологии к психологии субъекта // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 1. С. 23–49.
 29. Сергиенко Е.А. Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Моросановой. М. – Ставрополь: Изд-во ПИ РАОБ СевКавГТУ, 2007. С. 256–273.
 30. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009.
 31. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
 32. Thelen E., Smith L.A. Dynamic systems approach to the development of cognition and action. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
 33. Thelen E., Smith L. Dynamic systems theories // Theoretical models of human development. Handbook of child psychology: V. 1. N.Y.: Wiley, 1998.

SYSTEM-SUBJECT APPROACH: GROUNDS AND PERSPECTIVES

E.A. Sergienko

Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of development, Establishment of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow

Main ideas of system-subject approach in psychology as a variant of subject's approach are presented. Conceptual grounds for integration of system (B.F. Lomov), and subject-activity (S.L. Rubinshtein, K.A. Abul'khanova, A.V. Brushlinsky) approaches and potential of system-subject approach are revealed. Subject's criteria and subject – personality ratio problems are discussed from the system-subject approach. Early levels of subjectivity development are marked out on the basis of continuum-genetic principle. Meta levels of becoming and being a subject are proposed. Subject's functions: cognitive (understanding), communicative (subject-subject, subject-object interaction), regulative (behavior control) are described. System-subject approach is shown to be up to principles of post-non-classic development of psychology.

Key words: system-subject approach, subject-activity approach, post-non-classical psychology, levels of subjectivity, interrelation subject-personality, functions of subject, meta levels of subjectivity.